

В диссертационный совет МГУ 051.1
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13-14, 4-й учебный корпус,
юридический факультет, ауд. 536 а,
e-mail: dissovet@law.msu.ru

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени
доктора юридических наук Алиэскерова Мизамира Ахмедбековича
на тему «Состязательный гражданский процесс в Российской Федерации:
научно-прикладные проблемы» по специальности
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки**

Актуальность избранной темы не вызывает сомнений, что детерминировано сразу несколькими базовыми причинами. Во-первых, конституционной правовой установкой, согласно которой отечественное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), т.е. суд по каждому делу обязан обеспечить равенство процессуальных прав участников судебного разбирательства по представлению, исследованию и оценке доказательств, заявлению различных ходатайств и пр. Именно поэтому Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» субсидиарно разъясняет, что органам правосудия при рассмотрении гражданских дел следует исходить из представленных истцом и ответчиком доказательств. Однако суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства. При необходимости, с учетом состояния здоровья, возраста и иных объективных обстоятельств, затрудняющих возможность представления доказательственных материалов, без которых нельзя правильно разрешить дело, суд по просьбе сторон принимает меры к истребованию доказательств.

Во-вторых, с точки зрения реализации в гражданском процессе принципа состязательности не утрачивает своей злободневности концепция Ф. Кляйна, выдвинутая им еще в конце XIX в., сообразно которой такой процесс целесообразно

воспринимать в качестве специфической социальной модели, а не как сугубо техническую процедурную рамку, связанную с урегулированием частного правового конфликта. По этой причине критиковались «чистые» начала диспозитивности и состязательности, не находящиеся в координации с частичным судебском активизмом и установлением минимального уровня истинных знаний о спорных правоотношениях¹.

В настоящее время, т.е. почти через век, взгляды австрийского процессуалиста вновь обретают свое «второе дыхание» как в России, так и за рубежом. В частности, М. Маринелли в своей книге «Актуальность процесса Франца Кляйна и социальных реформ» (2015 г.), отмечает, что при соответствующем подходе законодатель и *volens nolens* правоприменитель переносят альфу и омегу своего внимания с формальной судебной процедуры на человека и его будничные потребности, т.е. цивилистический процесс становится частично антропоцентричным². В нашем государстве это во многом осуществляется за счет прямого корреспондирования между конституционными правоположениями, провозглашающими Российскую Федерацию социальным государством, политика которого нацелена на создание условий, гарантирующих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7), а также институализирующими состязательность судопроизводства и равноправие в нем сторон (ст. 123), о чем говорилось выше.

В-третьих, после того, как десять лет назад был принят КАС РФ, в котором парадигма состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства переосмыслена через активную роль суда, вновь активизировалась перманентная научно-прикладная дискуссия о гармоничном соотношении различных по своей правовой природе принципов в их единой системе, одни из которых обслуживают частноправовую составляющую современного цивилистического процесса, тогда как другие – публично-правовую.

См.: Klein F. Pro future. Betrachtungen über Probleme der Civilproceßreform in Österreich. Leipzig; Wien, 1891. S. 72-73.

² См.: Marinelli M. Die Aktualität der Prozess – und Sozialreform Franz Kleins. Verlag Österreich, 2015. S. 7-15.

Степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна, является высокой. Среди прочего об этом свидетельствует использование автором большого количества тематических научных трудов. В библиографическом списке присутствует 635 источников, среди них работы известных отечественных и зарубежных правоведов, современные публикации в периодических изданиях, эмпирическая база, объединяющая солидный объем судебной правоприменительной практики и статистики.

В целом научная новизна проведенного М.А. Алиэскеровым исследования, а также личный вклад соискателя в разработку проблемы состязательности гражданского процесса заключаются в создании аутентичной и комплексной концепции социально ориентированного судебного производства по гражданским делам. Она включает в себя элементы о: социальном назначении гражданского процессуального права; средствах обеспечения баланса процессуальных возможностей субъектов состязания; способах стимулирования процессуальной активности указанных субъектов; необходимом и допустимом содействии органа правосудия лицам, участвующим в деле. При этом конкретные элементы научной новизны изложены в четырнадцати пунктах вводной части работы, которые тесно сопряжены друг с другом в формально-логическом и сущностном плане; они находят свое наиболее полное выражение в тексте самой диссертации.

Общая структура работы последовательна, она отвечает выбранному предмету теоретико-практического изучения, который полно и детально проанализирован автором. При написании диссертации были широко применены традиционные для юриспруденции **методы научного познания**: общенаучные (индукция, дедукция, моделирование, синтез, обобщение и др.) и частно-научные (структурно-функциональный, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.).

Говоря об **основном содержании работы**, нужно отметить, что абсолютное большинство выводов и умозаключений соискателя новы, самостоятельны и конструктивны, поэтому заслуживают всяческого одобрения и поддержки.

В первой главе диссертации «Правовое регулирование состязательного гражданского процесса: научно-теоретические вопросы», которая состоит из трех параграфов, рассмотрены ключевые мировые и отечественные тенденции развития состязательного гражданского судопроизводства; приведены типологические характеристики российского гражданского процесса; раскрыты теоретические вопросы реализации социального назначения гражданского процессуального права.

Диссертант провел тщательный исторический разбор генезиса гражданского процесса, который основывается на принципе состязательности, что позволило ему обоснованно заключить: одним из важных векторов совершенствования этого типа процесса является усиление его социальной ориентированности, «проявляющейся в оказании судом, при необходимости, содействия участвующим в деле лицам в осуществлении процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей» (стр. 64 дисс.). При этом проводится различие между собственно гражданским процессом, как видом деятельности судебных органов, наделенных специфическими властными полномочиями, и гражданским процессуальным правом, представляющим собой совокупность норм, регулирующих определенные общественные отношения. В последнем случае автор усматривает социальное назначение такой отрасли права в том, что она посредством охранительного процессуального регламентирования удовлетворяют потребности социума и его больших групп в осуществлении правосудия по гражданским делам; снижает конфликтность между участниками материальных правоотношений; способствует укреплению законности и правопорядка, а также формированию уважительного отношения к закону и суду (стр. 93-94 дисс.).

В последующем диссертант обращается к вопросу о сути состязательного гражданского процесса в свете трансформации его принципов и социальной ориентированности. В связи с этим формулируется суждение о том, что в условиях видоизменения ряда отраслевых первоначал – прежде всего под влиянием инновационных информационных технологий, альтернативных способов урегулирования споров и разнообразных процедур по обеспечению экономичности правосудия – значимость состязательности судопроизводства по-прежнему не снижается (стр. 113).

Вместе с тем, говоря о состязательном правосудии по гражданским делам, соискатель делает многочисленные оговорки, которые касаются целесообразности: использования разнообразных «процессуальных преференций» либо усиления «дискреционных полномочий суда» для лучшего обеспечения равноправия сторон (стр.110 дисс.); «расширения сферы применения упрощенных или письменных производств»; популяризации «дистанционного участия в судебных заседаниях» (стр. 113 дисс.) и пр. Думается, подобные и иные правовые феномены допустимы, но как исключения из принципа состязательности, которые подлежат лимитированной интеграции в законодательную процессуальную ткань и соответственно практическое применение. Иначе они становятся общим юрисдикционным правилом, превращая подлинную состязательность в выхолощенную состязательную форму (быть может, именно поэтому автор весьма часто употребляет в тексте своей работы фразеологический оборот – «состязательная форма»).

Отсюда сама собой напрашивается цитата одного из классиков советского гражданского процессуального права В.М. Семенова, настаивавшего на том, что «состязание сторон в суде, основанное на их процессуальном равноправии, выливается в процессуальную форму судопроизводства, которая является неотъемлемым элементом рассматриваемого принципа советского гражданского процесса»¹. Словом, речь шла не столько об автономном и полноценном принципе состязательности, который реализуется судом в ходе разбирательства гражданских дел, сколько о его внешней оболочке, охватывающей квинтэссенцию равноправия тяжущихся.

Вторая глава диссертационной работы «Баланс процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле», состоящая из пяти параграфов, посвящена способам обеспечения баланса процессуальных возможностей в состязательном гражданском процессе, к которым *inter alia* относятся имущественные льготы, уравнивающие процессуальные преференции, а равно процессуальное содействие. При этом диссертант справедливо полагает, что такой баланс подразумевает изостазию имеющихся в их распоряжении процессуально-правовых

¹ Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 123.

средств с учетом фактических условий их использования. Это позволяет создать сопоставимые возможности у данных лиц в осуществлении прав и исполнении обязанностей согласно их процессуальному статусу (ст. 121 дисс.).

Размышляя об имущественных льготах в гражданском судопроизводстве, правильно замечается, что недавно произошедшее увеличение размеров государственной пошлины требует более детального, взвешенного и дифференцированного законодательного регламентирования. Лакуны в нем пока частично заполняются за счет принятия обязательных к применению актов официального толкования¹. Отсутствие у заинтересованного лица в силу его имущественного положения потенциала исполнить свой долг по уплате государственной пошлины не должно препятствовать претворению в жизнь права на судебную защиту, поскольку иное вступало бы в противоречие с конституционными правоположениями (стр. 124 дисс.). Кстати, на это неоднократно обращали внимание Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ. Так, в 2025 г. одним из своих определений Верховный Суд РФ предписал все правоприменительные акты нижестоящих инстанций, вынесенные по гражданскому делу, отменить – в том числе определение об отказе в передаче кассационной жалобы, которое формально было постановлено вполне законно (т.к. обжалуемые судебные акты не проверялись в апелляционном порядке, а потому лицом не были исчерпаны иные эффективные средства защиты нарушенного права), – поскольку по финансовым причинам гражданин не мог оплатить государственную пошлину². Несомненно, что в описанной ситуации излишний юридический пуризм вошел вразрез с конституционным правом на судебную защиту, которое не подлежит ослаблению из-за имущественного положения истца, ибо *justitia nemine neganda est*.

Кроме того, по мнению М.А. Алиэскерова, снижению судебных расходов, к примеру, расходов на оплату услуг представителя, способствует оптимальная организация судебного разбирательства, сопровождающаяся безошибочным

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 39 «О некоторых вопросах уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 октября 2025 г. № 5-КАД25-63-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

определением фактов и доказательств, подлежащих установлению по гражданскому делу. Вследствие этого предлагается включить в число средств доказывания заключение специалиста, что привело бы к уменьшению судебных расходов, связанных с надобностью использования специальных познаний в гражданском процессе, и положительно повлияло на баланс процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле (стр. 140-142 дисс.).

С последним можно было бы полностью солидаризоваться, ведь в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ в перечне отдельных средств доказывания, с помощью которых выявляется наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, заключение специалиста не значится, если бы не одно «но»: заключение специалиста вообще отсутствует в процессуальном законе как данность. Поэтому органы правосудия вынуждены облекать его в форму письменного доказательства, а отнюдь не из-за того, что заключение специалиста было получено до стадии возбуждения производства по делу или после (хотя и это важно¹), как утверждает автор (стр. 141 дисс.).

В кодекс широко имплементирован другой тезис – о консультациях и пояснениях специалистов (ст. 162, 184, 188 и др.), которые одновременно не фигурируют в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ как самостоятельные средства доказывания. *Prima facie* это дает право сделать вывод о том, что доказательствами в гражданском судопроизводстве они не выступают. И все же вряд ли он будет полностью валидным и окончательным, особенно если помнить о формулировке ч. 1 ст. 157 ГПК РФ: «Суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать *доказательства по делу*: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, *консультации и пояснения специалистов*, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи».

Разумеется, здесь имеет место технико-юридическая рассогласованность в правовом регулировании общественных отношений в сфере отправления правосудия по гражданским делам, а точнее между ч. 1 ст. 55 ГПК РФ и ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, что, впрочем, не мешает Верховному Суду РФ отменять решения при

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2025 г. № 18-КГ25-250-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

невыполнении требования последней из двух приведенных норм – непосредственно исследовать все доказательства в их совокупности и взаимосвязи¹ для того, чтобы спор не продолжался, и не возникало новых конфликтов, зияющих на уже изученных судом обстоятельствах². Наряду с этим нельзя не подметить и еще один примечательный момент: ГПК РФ – в отличие от ч. 4 ст. 169 КАС РФ, создающей соответствующую судебную практику по административным делам³, – не имеет прямой воспретительной манифестации того, что консультация специалиста не относится к доказательствам по гражданским делам.

Поднимая проблематику уравнивающих процессуальных преференций, автор акцентирует тот факт, что сегодня в силу ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько коррелирующих материально-правовых требований, одни из которых подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а другие – административного судопроизводства, если разделить эти требования нельзя, дело рассматривается и разрешается в рамках гражданского судопроизводства. ГПК РФ не содержит директив, аналогичных КАС РФ (*sic*) (стр. 149 дисс.).

Получается, что по действующему законодательству при неразделенности поименованных требований на гражданина возлагаются все процессуальные обязанности по доказыванию юридически значимых обстоятельств, которые бы в административном судопроизводстве а priori обосновывались органами, организациями и лицами, наделенными государственными либо иными публичными полномочиями (п. 3 и 4 ч. 9, ч. 10 ст. 226 КАС РФ). Отсюда абсолютно точная теоретико-прикладная мысль: в ГПК РФ рационально урегулировать распределение обязанностей по доказыванию по соответствующим делам, а также скорректировать сложившуюся судебную практику (к примеру, по искам о признании незаконным приказа о наложении на работника дисциплинарного взыскания (стр. 147, 151-152 дисс.)).

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 октября 2024 г. № 4-КГ24-46-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 октября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2025 г. № 88а-3435/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Бесспорно, что административном судопроизводстве, даже если гражданин будет уклоняться от бремени доказывания факта нарушения принадлежащих ему прав (ч. 11 ст. 226 КАС РФ), это не будет для него вызывать какие-либо фатальные последствия, т.к. в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» есть следующая установка: принцип состязательности и равноправия сторон сочетается с активной ролью органа правосудия, поэтому он должен принимать все меры, предусмотренные КАС РФ, по самостоятельному выявлению и истребованию доказательств в целях правильного разбирательства административного дела.

Между тем, в гражданском судопроизводстве интенциональность несколько иная. В нем присутствует классическая состязательная формула – каждая сторона должна доказать то, на что она ссылается в подтверждение собственных требований и возражений. Как уже говорилось, суд может лишь предложить лицу, участвующему в деле, представить дополнительные доказательства, и если для него это затруднительно, то представитель Фемиды при наличии ходатайства оказывает содействие в их собирании и истребовании (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ).

Очерченная формула полностью сохраняется и по делам, в которых разделение заявленных материально-правовых требований неосуществимо, а потому они разрешаются посредством гражданского судопроизводства. Впрочем, думается, пример, приведенный диссертантом, не совсем удачен (что само по себе не снижает потребность в частичном изменении процессуального механизма), т.к. касательно исков о признании незаконным приказа о наложении на работника дисциплинарного взыскания дополнительно действует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», согласно которому обязанность доказать наличие законного основания привлечения к дисциплинарной ответственности и соблюдение установленного порядка наложения дисциплинарного взыскания возлагается на работодателя, чем активно пользуются органы правосудия при анализе подобных споров¹.

¹ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2024 г. по делу № 88-23086/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

Помимо этого, не совсем понятной выглядит авторская сентенция о переходности гражданского судопроизводства в административное, и в противоположном направлении: «ГПК РФ не содержит правил, аналогичных приведенным выше положениям КАС РФ» (стр. 149 дисс.). Начиная с 2018 г. суды общей юрисдикции по гражданским делам имеют надлежащее правомочие. Руководствуясь ст. 33.1 ГПК РФ, они могут переходить к рассмотрению дела через призму административного судопроизводства. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал в своих актах, что это *«позволяет судам определять вид судопроизводства и переходить из гражданского судопроизводства в административное и наоборот на любой стадии рассмотрения дела с учетом того, что каждый вид судопроизводства обладает определенной спецификой, которую необходимо принимать во внимание при разрешении спора»*¹. Другой вопрос, что при неразделенности материально-правовых требований это никак не влияет на бремя доказывания обстоятельств по делу – их аргументирование по-прежнему происходит в гражданском судопроизводстве – притом, что нарушение стандартов в области правовой транзитивности (ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ) почти всегда *pro forma* ведет к отмене судебных решений, которые расцениваются как незаконные из-за процессуальных нарушений².

Еще одним аспектом диссертационного исследования является обеспечение баланса процессуальных возможностей лицам с ограниченными возможностями здоровья, который зачастую игнорируется отраслевой юридической доктриной и недостаточно представлен в законодательном поле. Можно лишь вспомнить тезы о подсудности, согласно которым иски о возмещении вреда, при-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2025 г. № 909-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации муниципального образования "Город Майкоп" Республики Адыгея на нарушение ее конституционных прав ч. 2 ст. 7 и ст. 16 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", ч. 5 ст. 19 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", ч. 1, 2 и 6 ст. 52 Федерального закона "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ", ст. 95, 318, 323, 324 и 328 Кодекса административного судопроизводства РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2023 г. № 88а-794/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

чиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, могут предъявляться также в суд по месту его жительства или причинения вреда (ч. 5 ст. 29 ГПК РФ); а также о том, что прокурор вправе обратиться в орган правосудия с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, если он по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и прочим уважительным причинам не способен это сделать сам (ч. 1 ст. 45 ГПК РФ). М.А. Алиэскеров справедливо пишет, что «реализация социального назначения гражданского процессуального права в правовом социальном государстве и обеспечение баланса процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле, предполагают учет социальной структуры общества, включающей в себя граждан с ограниченными возможностями здоровья» (стр. 187 дисс.). Но как бы то ни было здесь нужна точность в оперировании юридическими терминами, в частности понятиями «инвалид» и «лица с ограниченными возможностями здоровья».

Исходя из наличествующего законодательства, инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее потребность его социальной защиты (ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»); тогда как субъект с ограниченными возможностями здоровья – это физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией, для которого создаются особые условия воспитания и обучения (ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). В приведенной императивной установке гарантирование баланса процессуальных возможностей в большей степени увязывается с понятием «инвалид», иначе придется реструктурировать цепочку синхронизированных материально-правовых предписаний.

В главе 3 «Дифференциация и динамика состязательности гражданского процесса», охватывающей собой два параграфа, раскрываются особенности реализации состязательного начала и обеспечения социальной ориентированности гражданского судопроизводства в его отдельных видах и на различных стадиях движения.

В первую очередь позитивно следует оценить рассуждения диссертанта о существенной специфике проявлений принципа состязательности в особом производстве. Как небезосновательно полагает М.А. Алиэскеров, в этом виде производства присутствует доминирование охранительной функции гражданского процессуального права, что предопределено потребностью охраны прав и законных интересов лиц, которые не могут их сами защищать (к их числу относятся страдающие психическими расстройствами, несовершеннолетние, безвестно отсутствующие и пр.). Поэтому по данным делам наблюдается повышенная процессуальная активность судов первой и проверочных инстанций (стр. 213-219 дисс.). Одновременно внимание фокусируется на сравнительном правовом аспекте: ч. 2 ст. 278 КАС РФ предусматривает, что обязанность доказывания обстоятельств по делу о госпитализации гражданина в недобровольном порядке (или о продлении срока госпитализации) возлагается на лицо, обратившееся с административным иском в суд, но последний также может истребовать доказательства дискреционно (стр. 222-223 дисс.). Но насколько корректно такое сравнение? Ведь соискателем сопоставляются два разных вида производств – особое в гражданском судопроизводстве и исковое в административном судопроизводстве! Видится, что корректность будет иметь место только, если признать, что в административном судопроизводстве тоже имеется особое (охранительное) производство.

Конечно, изначально КАС РФ был рассчитан на судебный порядок рассмотрения и разрешения дел спорного характера, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, о чем в частности свидетельствуют используемая в нем терминология («административный истец», «административный ответчик» и др.), а также категории дел, большинство из которых так или иначе сопряжены со спором по поводу результатов деятельности государственных органов и их должностных лиц (об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, об оспаривании решений квалификационных коллегий судей и др.).

При всем том это не означает, что спектр применения КАС РФ этим ограничивается, хотя бы в силу ст. 1, согласно которой кодекс также регулирует осуществление судопроизводства при рассмотрении и разрешении судами общей юрисдикции административных дел, *связанных с судебным контролем за законностью и обоснованностью реализуемых государственных или иных публичных полномочий*. Более того, ст. 2 КАС РФ в качестве одной из задач обозначает укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

Следовательно, особое (охранительное) производство вполне может быть вписано в архитектуру административного судопроизводства с учетом того, что часть дел, атрибутированных в ч. 2 ст. 1 КАС РФ, являются квазиспорными или вообще бесспорными. В них орган правосудия не подвергает всестороннему изучению вопрос о защите оспоренного права. Наоборот, он либо защищает публичный законный интерес, преследуя превентивно-охранительную цель, или же устанавливает юридический факт, детерминирующий последующее возникновение, изменение, прекращение прав. Но в обоих вариантах это влечет для граждан и организаций дополнительные имущественные (неимущественные) обременения и ограничения в правах и законных интересах, а также виньетирование ранее закрепленного юридического статуса. Deinde, как правило, по таким делам с требованиями к суду обращаются уполномоченные на то органы. Причем, по мере принятия новых федеральных законов, регламентирующих материальные публичные или квазипубличные правоотношения, число этих дел увеличивается.

Если говорить более предметно, то даже беглый взгляд на нормы КАС РФ демонстрирует, что к quasi спорным делам, в которых государство или общество преследует превентивно-охранительную цель допустимо, например, отнести следующие: об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке; о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение; о спасении жизни несовершеннолетнего и др.

При таком подходе вполне рационально звучит авторский довод о замене в особом производстве бремени доказывания на содействие в охране прав и законных интересов лиц, которое может осуществляться органами публичной власти, организациями и институтами гражданского общества, а «на суд должны возлагаться восполнительные и контрольные функции в отношении указанных действий соответствующих органов и организаций» (стр. 233 дисс.).

Далее, исследуя проблему динамики состязательного процесса в вышестоящих судебных инстанциях, диссертант верно отмечает значимость выработки правил об ограничении процессуального поворота к худшему (*non reformatio in peius*). «Суть проблемы процессуального поворота к худшему состоит в том, что процессуальные решения суда, принимаемые в целях восстановления нарушенных процессуальных прав лица, участвующего в деле, – пишет М.А. Алиэскеров, – могут впоследствии повлечь для этого же лица отрицательные процессуальные последствия, которые, в свою очередь, могут привести к материально-правовому повороту к худшему» (стр. 295 дисс.). Но с другой стороны, это способно «предотвращать реализацию охранительной функции права не в соответствии с ее назначением» (стр. 295 дисс.). В связи с такой дихотомией приводиться пример, когда суд апелляционной инстанции по одному из *социально значимых гражданских дел* (?!), проверив в интересах законности решение в полном объеме, отменил его и принял новое – об отказе в удовлетворении исковых требований.

Действительно, согласно ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме. Очевидно, что эта законодательная максима суть оценочна, она оставляет органам правосудия «окно возможностей» по собственному свободному усмотрению производить поворот к худшему (во всяком случае, для одного из субъективно заинтересованных лиц), а также ставить под сомнение правовую определенность сложившихся материальных правоотношений. По этой причине Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 22 июня 2021 г. № 16 «О при-

менении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» был вынужден разъяснить, что под интересами законности следует понимать необходимость проверки правильности применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права в целях защиты: нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных), семейных и иных правоотношений; права на образование; других прав и свобод человека и гражданина, неопределенного круга лиц и публичных интересов; охраны правопорядка.

Совершенно понятно, что избыточно широкое по своему смысловому наполнению разъяснение *ex officio* не могло купировать линию напряжения между такими разными по правовой природе парными процессуальными категориями как состязательность и правовая определенность, а также формально приемлемая активная роль апелляционной инстанции и возможность поворота к худшему¹. Как следствие детектируются неоднократные жалобы граждан и организаций в Конституционный Суд РФ относительно практического использования ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ, включающей в себя потенциальные риски для носителей материальных прав и обязанностей, связанные с потерей достигнутого в суде первой инстанции².

Пока орган конституционного контроля ограничивается довольно толерантной формулировкой: «Предусмотренное оспариваемым положением названной нормы правомочие суда апелляционной инстанции проверить решение суда первой инстанции в полном объеме *не влечет такой проверки во всех случаях, поскольку это не отвечало бы конституционному принципу состязательности сторон*. Такая проверка возможна только в интересах законности, определяемых

¹ Подробнее см.: Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран. М., 2007.

² См.: Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2023. С. 116-117.

судом в каждом конкретном деле исходя из существа заявленных требований, доводов апелляционной жалобы, содержания оспариваемого судебного решения, фактических обстоятельств конкретного дела»¹.

Фактически более ста лет проблема поворота к худшему по гражданским делам остается законодательно неотрефлексированной, а ссылки на социальную значимость таких дел, по всей видимости, не вносят сколь-нибудь существенный вклад в ее удовлетворительное решение. Это лишь создает благоприятную почву для введения в научно-прикладной дискурс диффузного понятия, которое неочевидно для суда и остальных заинтересованных субъектов правоотношений, что потенцирует правоприменительные противоречия и едва ли отвечает целями и задачам отраслевого законодательного регулирования. Ввиду этого хотелось бы узнать константное мнение автора по данной проблеме, в том числе через оптику правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной им в нескольких актах (в них так или иначе поднимался вопрос о диверсифицированном применении начала *non reformatio in reius* в цивилистическом судопроизводстве *к частным и публичным правоотношениям*²), а также Верховного Суда РФ, который в своих определениях указывает на когерентность ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ и ч. 4 ст. 330 ГПК РФ (*в отсутствие предусмотренных ч. 4 ст. 330 ГПК РФ безусловных оснований для отмены решения суда первой инстанции апелляционная инстанция была не вправе изменять решение, ухудшая положение лица по результатам рассмотрения его жалобы*³).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 1591-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пузикова Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 327.1, 376 и 390.1 Гражданского процессуального кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Производственное объединение "Берег", открытых акционерных обществ "Карболит", "Завод "Микропровод" и "Научно-производственное предприятие "Респиратор"»; от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2023 г. № 4-КГ23-31-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

Все высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Алиэскерова Мизамира Ахмедбековича на тему «Состязательный гражданский процесс в Российской Федерации: научно-прикладные проблемы» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, она оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель – Алиэскеров Мизамир Ахмедбекович – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

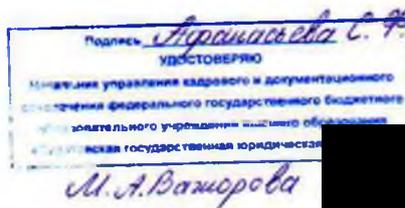
Официальный оппонент:
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
арбитражного процесса,
адвокатуры и нотариата
ФГБОУ ВО «СГЮА»

Афанасьев Сергей Федорович

«12» января 2026 г.

Контактные данные:
тел.: + 7 (452) 29-90-37; e-mail: k_arb@ssla.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 12.00.15. - Гражданский процесс; арбитражный процесс

Адрес места работы:
410056, (Саратовская область) г. Саратов, ул. им Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»,
тел.: + 7 (452) 29-90-37; e-mail: k_arb@ssla.ru, k_arb2@ssla.ru
кафедра арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
веб-сайт <http://www.sgюa.pф/ru/>